

Король Матиуш на необитаемом острове

Автор:

Януш Корчак

Король Матиуш на необитаемом острове

Януш Корчак

Король Матиуш #2

Януш Корчак (1878–1942) – польский писатель, врач и педагог, великий гуманист XX века. Корчак был человеком необыкновенным, всю свою жизнь посвятивший чужим детям, к которым относился с огромной любовью и заботой.

«Король Матиуш на необитаемом острове» – продолжение повести «Король Матиуш Первый». Эти философские сказки стали классикой детской литературы и завоевали сердца миллионов детей и взрослых во всем мире.

Динамичный сюжет в книге сочетается с удивительно трогательными моментами, которые не оставят равнодушными ни одного ребенка.

Эту книгу полезно прочитать и детям, и взрослым – она поможет лучше понять сложный внутренний мир ребенка, заставит задуматься, правильно ли Вы его воспитываете...

Януш Корчак

Король Матиуш на необитаемом острове

© Подольская Н.Я., наследники

Ох, до чего плохо Матиушу в тюрьме!

Плохо и тоскливо.

Давят тюремные стены. Тесно. Уныло.

Его сошлют на необитаемый остров.

Война проиграна. Он королевский пленник, и его сошлют на остров, как Наполеона. А пока надо ждать.

Сказали, отправят через неделю, но прошло уже три недели, а он всё ещё в тюрьме. Оказывается, три короля никак не могли договориться между собой, какой выбрать остров. Молодой король не скрывал своей ненависти к Матиушу и хотел раз и навсегда от него избавиться. Печальный король открыто признавался, что он – друг Матиуша. Поэтому условия диктовал третий король, которому судьба Матиуша была безразлична.

А условия были такие: пусть Матиуш живёт спокойно, но ни во что не вмешивается, а главное – чтобы он не убежал.

Остров Марас – не подходит: там болота, жёлтая лихорадка и чёрная оспа. Остров Луко тоже не годится: слишком близко от материка и чёрные короли могут устроить ему побег. Чтобы выйти из затруднительного положения, объявили конкурс. В газетах всего мира напечатали такое объявление:

Учитель географии, который укажет подходящий для заточения Матиуша остров, получит большое вознаграждение. В месячный срок предлагается сообщить, где расположен этот остров и чем он хорош для ссылки.

Посыпались предложения. Короли развесили по стенам географические карты и отмечали маленькими флажками острова, которые казались им подходящими.

Приехал Бум-Друм, а с ним ещё несколько чёрных и жёлтых властелинов – менее важных. Приехала королева Кампанелла и пять белых королей. Они напускали на себя таинственность, будто имели сообщить нечто чрезвычайное.

Совещались в разных городах. Короли были спесивы и пуще всего боялись уронить своё королевское достоинство.

– Хотят услышать моё мнение, пусть приезжают ко мне, – высокомерно заявляли они. – А то получится, будто я навязываюсь со своими советами.

Кроме того, им просто хотелось попутешествовать.

Итак, дважды совещались в городке на берегу моря, потом в большом городе в горах, потом в городе, который славится самым вкусным пивом, а потом в стране, где всегда тепло. Каждый король возил с собой двух министров, у каждого министра был секретарь, у каждого секретаря – две помощницы, которые записывали всё, что говорили короли. Это называется вести протокол.

А Матиуш тем временем томился в тюрьме.

Если бы он читал газеты, ему было бы легче: он знал бы, что о нём говорят и пишут. А так ему казалось – о нём забыли.

Бум-Друму очень хотелось повидаться с Матиушем, но он боялся выдать себя и поэтому притворился рассерженным.

– Выманил у меня столько золота! – жаловался он. – Обещал взамен обучить наших ребятишек, а что из этого вышло? Половина ребят погибла в бою, половина сидит в лагере для военнопленных. А бедная Клу-Клу – в тюрьме.

И Бум-Друм в знак печали хотел перекувырнуться через голову, но, вспомнив, что он человек цивилизованный, стал тереть глаза, будто плачет.

– Ваше королевское величество, если желаете, мы можем освободить принцессу Клу-Клу, – предупредительно сказал Молодой король, который теперь подлизывался к Бум-Друму.

– Нет, – со слезами на глазах ответил Бум-Друм, – тратить драгоценное время на легкомысленную девчонку, когда столько важных дел, просто недопустимо.

Бум-Друм усвоил, что белые плачут, когда говорят о чём-нибудь печальном. Поэтому он всегда носил с собой пузырёк с нашатырным спиртом. И когда, по его мнению, полагалось лить слёзы, он вынимал пузырёк из кармана и нюхал. А от нашатырного спирта, горчицы и лука, как известно, слезятся глаза.

Наконец, на двадцать четвёртом заседании пришли к согласию, куда сослать Матиуша. В последний раз собрались во дворце Кампанеллы, потому что в её стране по вине Матиуша дети впервые вышли на улицы с зелёными знамёнами.

Красавица Кампанелла жила во дворце одна: муж у неё умер, детей не было. А дворец стоял на берегу живописного озера в красивой апельсиновой роще.

На совещание прибыли три учителя географии в чёрных фраках – три победителя в конкурсе на лучший остров для Матиуша. Теперь из трёх островов предстояло выбрать один.

– Мой остров, – сказал первый учитель, – расположен вот тут. – И он ткнул указкой в голубое пространство, на котором не было даже признака суши. – Не удивляйтесь, ваши королевские величества, что острова нет на карте. Сейчас я всё объясню. На картах обозначают только большие острова, для всех не хватило бы места. Если на карте маленькая точка, значит, остров большой. А мой островок совсем крошечный, величиной в три квадратных километра. В этом его преимущество: легче стеречь Матиуша. Высоких деревьев там нет, и вообще растительность небогатая: трава да кустарник. Остров необитаем и расположен очень далеко от материка. Климат там здоровый, зимы совсем не бывает. Поэтому дощатого барака для Матиуша и стражи будет вполне достаточно. Привезти раз в месяц провизию – и дело с концом! Матиуш будет там жить припеваючи.

К счастью, Бум-Друм был негром, не то он бы так побледнел, что все догадались бы, в какой ужас поверг его этот остров.

– А как называется ваш остров? – спросил Молодой король.

– Как раз об этом хотел я сейчас сказать. Остров в 1750 году открыл путешественник Дон Педро. Потерпев кораблекрушение, он с трудом добрался до острова, прожил там двадцать лет и неизвестно, сколько прожил бы ещё, если бы случайно его не обнаружили пираты. Дону Педро ничего не стоило самому притвориться пиратом: он так зарос волосами, что выглядел заправским разбойником. Пираты взяли его на свой корабль. Четыре года плавал он с ними. В конце концов ему удалось бежать. И он назвал этот остров островом Безнадёжности. Всё это описано в одной толстой книге, и, кроме меня, головой ручаюсь, её не читал ни один учитель географии.

– Мой остров, – начал второй учитель, – имеет лишь один недостаток: он находится слишком близко от материка. Но зато неподалёку от него расположен маленький островок с маяком. Во время тумана и по ночам маяк освещает всё вокруг. В южной части острова есть скала и полянка. На полянке стоит уже готовый домик для Матиуша. В далёкие времена остров населяло миролюбивое племя туземцев. Когда белые открыли остров, они устроили там школу, научили туземцев молиться и курить трубки. Матросы выменивали на табак корицу, ванилин и канареек. Торговля приносила большую прибыль, и через пять лет один предприимчивый торговец даже лавку открыл на острове. Всё шло хорошо, но вдруг дети торговца заболели корью. Для белых корь не опасна, а чёрные ребяташки, заразившись, умерли все до одного, из взрослых уцелело тоже не больше ста человек. Если они ещё живы, то спрячутся в зарослях, спасаясь от кори, лавки и школы.

– А где этот остров? – осведомился Печальный король.

– Вот здесь, – показал учитель географии.

Тут Бум-Друм как вскочит да как стукнет кулаком по столу.

– Не позволю! – заорал он. – Этот остров слишком близко от моей страны! Матиуш убежит и поднимет бунт среди детей. Да вы что, спятили, зелёная обезьяна вас возьми!

Короли оскорбились.

Кампанелла чуть не упала в обморок, а учитель географии от страха уронил указку, потому что Бум-Друм кинулся на него с кулаками. Молодой король с

трудом удержал разбушевавшегося Бум-Друма.

– Успокойся, чёрный друг, никто на этом не настаивает. Не хочешь – не надо. Разве на свете мало островов?

А вечером белые короли, сойдясь в апельсиновой роще, назло Бум-Друму, а заодно чтобы насолить Молодому королю, на все лады стали расхваливать этот остров.

– Смешно считаться с мнением невежественного дикаря. Он ещё, чего доброго, подумает, будто мы его боимся. Как же Матиуш убежит? А солдаты на что? А маяк?

– Матиуш – ребёнок, ему будет плохо без деревьев, цветов и птиц, – сказала Кампанелла. – Хотя он передо мной виноват, я его прощаю.

– Ваше благородство, уважаемая Кампанелла, глубоко нас трогает, – заметил известный своей галантностью король Мальто.

– Но, отдавая должное вашей доброте, – вставил Молодой король, – мы прежде всего будем руководствоваться соображениями рассудка и осторожности.

– Но ведь он ребёнок! – повторила Кампанелла, протягивая Молодому королю два апельсина и семь фиников.

– Всё говорит за то, чтобы выбрать именно этот остров, – сказал король-хитрец. – И провизию для Матиуша и стражи недалеко возить, и море там всегда спокойное, и строить ничего не надо – есть помещение бывшей школы. Давайте смотреть на вещи трезво. Если даже Матиуш попытается бежать, его растерзают хищные звери. И потом, не зная языка, как он договорится с туземцами? Итак, не только доброе сердце нашей очаровательной хозяйки, но разум и осмотрительность склоняют нас к тому, чтобы остановить свой выбор на этом острове.

Молодой король без всякого удовольствия ел финики и молчал. Он был озабочен предстоящими неприятностями с Бум-Друмом.

Матиуш гуляет по тюремному двору. Вокруг, куда ни глянь, высокие кирпичные стены. Посреди двора одно-единственное дерево – орех. Раньше деревьев было больше, но они росли слишком близко от стены, и лет десять назад, когда из тюрьмы бежал знаменитый разбойник, их срубили. Теперь вдоль стены торчит двенадцать пней, и это придаёт тюремному двору ещё более унылый вид.

Прогулка продолжается полчаса. Два солдата с заряженными винтовками шагают впереди Матиуша, два – позади, три, с саблями наголо, – слева, три – справа. Матиуш смотрит себе под ноги и считает шаги:

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...»

Сто двадцать маленьких шагов или восемьдесят больших: семьдесят шагов до орехового дерева и пятьдесят от дерева до стены. Через каждые десять шагов Матиуш поднимает голову и смотрит на дерево.

На что же ему ещё смотреть? Он то идёт с закрытыми глазами, то открывает их, только чтобы взглянуть на дерево. Или чередует большие шаги с маленькими. Или ходит на цыпочках. А то десять шагов на носках, десять – на пятках. Надо как-то скрасить скучную тюремную прогулку. Хотелось попрыгать на одной ножке, и он прыгал у себя в камере, когда его никто не видел.

Простым узникам живётся гораздо легче! А ему, королевскому пленнику, приходится всё время быть начеку: ведь враги всячески стараются его унижить.

– Заключённый номер двести одиннадцать – в канцелярию! – прокричал в зарешеченное окошко начальник тюрьмы.

Матиуш вздрогнул: номер его. Но он идёт дальше, будто не слышит.

– Ваше величество, вас в канцелярию вызывают, – сказал начальник стражи.

Был отдан приказ: разговаривая с Матиушем, называть его королём, иначе он не отвечал. О нём говорили: «заключённый номер двести одиннадцать», а к нему обращались: «ваше королевское величество».

«В канцелярию!»

Матиуш взглянул ещё раз на дерево, повернулся и, нахмутив брови, заложив руки за спину, пошёл маленькими шажками, чтобы не подумали, будто он торопится. Вот и канцелярия. Матиуш остановился, ждёт. А у самого от волнения ноги дрожат, сердце бьётся словно у подстреленной птицы.

– Присядьте, ваше королевское величество, – вежливо говорит начальник тюрьмы и подвигает ему стул.

«Неспроста это», – подумал Матиуш. Он научился обращать внимание на разные мелочи, научился читать чужие мысли. Матиуш знал: люди часто говорят не то, что думают.

И он резко отодвинул от себя услужливо поданный стул.

Тут в канцелярию входит король Орест II и с ним красивая дама в чёрном бархатном платье. Орест II был у Матиуша в гостях, и Матиуш сразу узнал его по ордену Большого Полумесяца: по величине это был самый большой орден, какой он когда-либо видел.

– Королева Кампанелла, – представилась дама в чёрном платье.

– Заключённый номер двести одиннадцать, – с горечью проговорил Матиуш.

Он стоял, небрежно опершись о спинку стула, и прямо смотрел ей в глаза.

– О, для меня вы – король Матиуш Реформатор, друг детей и отважный воин, – с подкупающей простотой ответила королева и протянула Матиушу руку, которую он почтительно поцеловал.

Когда король Орест хотел с ним поздороваться, Матиуш гордо выпрямился и не подал ему руки.

– Я заключённый, у меня нет орденов, – сказал он и смерил Ореста недружелюбным взглядом.

Начальник тюрьмы, желая прекратить неприятную сцену, свидетелями которой были солдаты и чиновники, пригласил всех в гостиную.

Матиуш оглядел комнату: ковёр, дорогая мягкая мебель, на окнах цветы – и незаметно усмехнулся. Но от взгляда королевы не укрылась его горькая усмешка.

Орест надулся и, развалясь в кресле, стал листать большую книгу с картинками, которая лежала на столе.

Матиуш разозлился. Его раздражало всё: и роскошная гостиная, и цветы, и ковёр, и пианино, и молчание королевы, и то, как она на него смотрит. Но больше всего раздражал его Орест со своим огромным орденом Полумесяца.

«Интересно, вызовет он меня на дуэль за то, что я ему не подал руки?» – промелькнуло у него в голове.

Потом, размышляя об этой встрече, Матиуш понял причину своей злости. В долгие часы томительного одиночества он мечтал увидеть Печального короля. Пианино в гостиной начальника тюрьмы напомнило ему Печального короля, и в ушах зазвучали грустные мелодии. Кроме него, никто не имел права приезжать сюда. Кампанелла – женщина, ей простительно, но что нужно здесь этому жалкому королишке?

«Что бы такое сказать ему пообидней, чтобы в другой раз не совал нос не в свои дела?»

Матиуш не знал, как себя вести, что сказать. Вот бы когда пригодился всезнайка церемониймейстер! Как быть? Кампанелла не сводит с него глаз, Орест рассматривает картинки, а начальник тюрьмы стоит столбом. Кажется, конца не будет этой пытке!

– Прикажете подать чай или кофе со взбитыми сливками? У меня есть отличное домашнее печенье... – угодливо начал начальник тюрьмы, но тут же прикусил язык.

– Вы что, в своём уме! – возмутился Матиуш, и глаза его засверкали. – Я что, целый месяц гнию в этой дыре, чтобы угощаться вашими печеньями?! Я хочу знать решение моих врагов! Категорически требую, чтобы меня немедленно сослали на необитаемый остров. Знал бы я заранее, что мне придётся целый

месяц сидеть в тюрьме, я отказался бы от помилования. Я хотел умереть в домике для диких зверей, а они предательски захватили меня в плен. Требую официальной бумаги с печатью!

Он схватил дорогую фарфоровую вазу и стукнул ею об стол рядом с книжкой. Ваза вдребезги разбилась. Матиуш поранил себе руку. Орест вскочил с кресла, королева закрыла глаза. Начальник тюрьмы совсем обалдел и кинулся со всех ног за доктором.

Кампанелла, вынув из сумочки надушенный носовой платочек, осторожно приложила его к кровоточащей ране. У неё созрел план: она не позволит сослать мальчика на необитаемый остров и возьмёт его к себе. У неё нет ни мужа, ни детей – она, как и он, совсем одинока. Если нужно, пусть обнесут высокой стеной апельсиновую рощу: она заменит узнику необитаемый остров, а Кампанелла – мать.

Тюремный врач перевязал Матиушу руку – иначе он не мог поступить в присутствии их королевских величеств – и дал ему успокоительных капель. Пять капель на кусочек сахара. У тюремного врача от всех болезней имелось два лекарства: в левом кармане – капли, в правом – порошки. И то и другое – горькое-прегорькое, и полагалось запивать водой. Но раз начальник тюрьмы жертвует собственный сахар, почему не сделать исключение?

На другой день Матиуш объявил: он отказывается от пищи и от прогулок, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Он хочет знать, что с ним намерены сделать. Дольше сидеть в тюрьме он не желает.

В полдень Матиуша вызвали в канцелярию. Матиуш отказался: он не двинется с места, пока ему не предъявят бумагу с печатью. Хватит играть в прятки! Он хочет знать правду!

Начальник тюрьмы негодовал: Кампанелла не только не обиделась на Матиуша, но ещё стала его защищать. Мало того: выразила желание посмотреть, как он живёт. А Матиуш жил очень плохо. Камера сырая и тёмная, по стенам ползают пауки и клопы. Вместо кровати – соломенная подстилка на полу. В углу – таз и кувшин с водой. Даже стула нет. А королева принесла большой букет белой сирени. Как тут быть?

Надзиратель принёс из квартиры начальника тюрьмы мягкое кресло и вазу, точно такую же, какую вчера разбил Матиуш. Оказывается, было две одинаковые вазы: одна стояла на столе, другая – на пианино. «Хорошо бы он разбил и вторую вазу! – втайне мечтал начальник тюрьмы. – Тогда королева увидит, как трудно с ним ладить, и поймёт, почему его держат в такой тёмной камере».

Но, к великому огорчению начальника тюрьмы, Матиуш встретил Кампанеллу очень любезно. Поблагодарил за цветы, но поставил их не в роскошную вазу, а в простой глиняный кувшин. Ободрённая таким приёмом, Кампанелла незаметно вынула из кармана пальто коробку шоколадных конфет. Она спрятала их, не зная, в каком настроении будет Матиуш.

– О нет, спасибо! Конфеты вызывают у меня неприятные воспоминания о моей первой реформе.

Кампанелла сообщила Матиушу следующее.

Необитаемый остров для него уже выбрали. И хотя гнев Матиуша понятен, быстрее никак было нельзя. Король Орест не виноват – он сопровождал Кампанеллу из вежливости. Печальный король очень хотел приехать, но Бум-Друм и Молодой король не позволили. Бум-Друм подружился с Молодым королём. Бумага с печатью и подписями королей ещё не готова. Кампанелла приехала сообщить Матиушу, что о нём не забыли и он скоро сможет уехать. А пока...

– Если ваше величество позволит, я каждый день буду вас навещать.

Вместо ответа Матиуш поцеловал доброй королеве руку.

– К сожалению, больше четырнадцати минут мне не разрешают быть у вас.

– Понятно: этикет.

– Нет, тюремные правила...

Стало ли Матиушу лучше оттого, что его перевели в чистую, светлую комнату с кроватью, столом и стулом, разрешили гулять по тюремному саду и каждый день его навещала Кампанелла, а еду приносили с кухни самого начальника тюрьмы?

Нет, ему было по-прежнему тоскливо. По-прежнему давили тюремные стены. Пожалуй, ему стало даже ещё хуже. В тёмной камере была надежда, что в будущем его ждёт перемена – необитаемый остров. А теперь он уже ничего не ждал.

И в самом деле, чего ждать? На острове будет всё то же, что и здесь. Ну, может, комнату и мебель дадут получше и гулять по берегу моря, конечно, приятней, но тоска и одиночество останутся всё равно.

Как ему первое время не хватало часов! Казалось, день пролетит быстрее, если знать, сколько времени. Самообман! Теперь он видит, как медленно ползут стрелки, как бесконечно долго тянется час. Как в тюрьме бесконечно долг день!

– Матиуш, чем я могу тебе помочь? – спросила Кампанелла, видя, как тот с мрачным видом, заложив руки за спину, взад-вперёд ходит по камере.

– Узнайте, жива ли моя канарейка?

Не помню, говорилось ли, что у Матиуша в красивой позолоченной клетке жила канарейка. Матиушу подарили её в день рождения, и он очень к ней привязался. Но когда в парламенте кто-то назвал его желтопузой канарейкой, он охладел к птичке, хотя она была не виновата. Теперь он вспомнил о ней, и ему захотелось иметь её здесь. Хоть одно живое существо будет с ним не четырнадцать минут, а постоянно.

Кампанелла ничего не ответила: ей строго-настрога запретили сообщать узнику о том, что происходит в стране. Но, вернувшись к себе, тотчас отправила телеграмму Молодому королю:

Прошу разрешения сообщить Матиушу о судьбе его канарейки и отнести её в тюрьму. Напоминаю вашему величеству, что я говорила на заседании, как необходимы детям деревья и птицы.

Телеграмма не на шутку разозлила Молодого короля.

«Хуже нет связываться с бабами! – ворчал он про себя. – Сегодня – канарейка, завтра – собака, послезавтра – ещё что-нибудь! То камера сырая, то Матиушу темно, то, видите ли, он нервничает, то плохо выглядит... Как будто у нас других забот нет, кроме как ублажать этого мальчишку».

Король разрешил, но с оговоркой: «Надеюсь, это будет последняя просьба и последняя уступка Матиушу. Корона обязывает доброе сердце вашего величества считаться и с государственными интересами».

Молодой король вежливо намекнул Кампанелле, что по горло сыт её глупыми просьбами.

Матиуш, конечно, не подозревал, какие трудности приходится ей преодолевать. Как тяжело отвечать ему: «Нельзя. Не разрешают».

Так, например, ни газет, ни книг принести не разрешили. Упомянуть о Бум-Друме, Фелеке, Клу-Клу и Печальном короле тоже.

Король Орест наябедничал, что Кампанелла проболталась Матиушу о дружбе Бум-Друма с Молодым королём, и ей здорово досталось. Её строго-настрого предупредили: если она ещё хоть раз проговорится, её немедленно вышлют из столицы Матиуша, а вместо неё пришлют не короля, а губернатора из Залива Кенгуру, известного своей жестокостью и неприязнью к Матиушу...

– Вот, Матиуш, твоя канарейка!

Кампанелла называла его по имени, а он не знал: то ли напомнить ей, что он король, то ли делать вид, будто он этого не замечает.

– А вот фотография твоей мамы, – тихонько шепнула Кампанелла.

Даже не взглянув на фотографию, Матиуш положил её на стол и занялся канарейкой. Почистил клетку, хотя она была чистая, налил в блюдечко воды, хотя оно было слишком велико и не пролезало в узкую дверцу. Потом просунул между прутьями клетки хлеб и кусочек сахара. И время от времени украдкой поглядывал на часы, думая: «Скорей бы прошли четырнадцать минут!»

Кампанелла тоже с тревогой смотрела на часы. Это было её последнее свидание с Матиушем в тюрьме. Пора было ехать на заключительное заседание королей, чтобы подписать бумагу о ссылке Матиуша. А ей хотелось кое о чём спросить его.

– Матиуш, мне надо с тобой поговорить. Оставь канарейку, будешь с ней возиться, когда я уйду.

Матиуш нахмурился.

– Я слушаю вас, королева.

– Скажи мне, только откровенно... Если короли позволят... Я одинока, как и ты... согласишься стать моим сыном? Будешь жить в моей стране, где круглый год светит солнце, в мраморном дворце, который стоит в апельсиновой роще. Я сделаю всё, чтобы тебе было хорошо. Пройдёт время, и короли простят тебя. Когда я состарюсь, а ты подрастёшь, я отдам тебе свою корону, и ты снова будешь королём.

С этими словами Кампанелла хотела обнять и поцеловать Матиуша, но он отстранил её.

– У меня есть своё королевство, и в чужой короне я не нуждаюсь.

– Но, Матиуш...

– Я не Матиуш, а пленный король. И несправедливо отнятое королевство всё равно верну.

Пробил большой тюремный колокол, возвещая, что четырнадцать минут прошло. Матиуш закусил губы. Сердце у него колотилось, в голове теснились разные мысли.

– Благодарю вас, королева. Вы очень добры ко мне, и я не хочу платить вам чёрной неблагодарностью. А если я соглашусь, у вас будут неприятности.

– Почему?

– Я убегу. Всё равно убегу. Пусть они меня получше стерегут, так им и скажите.

Тюремный колокол пробил снова.

подавив волнение, Матиуш спокойно договорил:

– Ваше величество, в тюрьме я волен распоряжаться собой: ведь права защищаться у меня никто не отнимет. А если я соглашусь стать вашим сыном, то навсегда лишусь свободы.

Тюремный колокол пробил в третий раз. И королева удалилась.

«Бежать!»

Как это ему раньше не приходило в голову! Иногда он, правда, думал о побеге, но его тут же одолевали сомнения: удастся ли, куда бежать и зачем? И только теперь, когда королева предложила ему то, что было бы пределом мечтаний для любого узника, он решил окончательно и бесповоротно: бежать!

Сомнения покинули его. Теперь – прощай скука! Теперь некогда будет каждую минуту смотреть на часы. Теперь работы хватит: надо обследовать сад, прощупать каждый выступ стены, учесть каждое деревце. И до мельчайших подробностей обдумать, что делать, когда он окажется на свободе. Во что переодеться, что взять с собой в дорогу, где достать верёвку, без которой никак не обойтись.

Матиуш не заметил, как наступил вечер, зажёгся свет и запела канарейка. Он подошёл к клетке. Птичка в испуге замолкла, но потом запела ещё громче.

Тут взгляд мальчика упал на фотографию матери:

«Дорогая мамочка, Кампанелла хотела отнять у тебя сына. Трон у меня отняли, а теперь хотели отнять и тебя. Но не выйдет. Я не оставлю тебя. Мы вместе убежим из тюрьмы».

И вынув фотографию матери из дорогой, выложенной жемчугом рамки, он спрятал её в боковой карман:

«Тебе здесь лучше, правда, мамочка?»

Канарейка распевала самозабвенно.

Когда короли собрались на последнее заседание, Кампанелла смело выступила в защиту Матиуша:

– Ваши величества, не подписывайте эту бумагу! Матиуш – ребёнок, с ним нельзя поступать, как с Наполеоном и вообще как со взрослым. Он очень добрый и впечатлительный...

– Ну, пошла... – шепнул Молодой король на ухо Бум-Друму.

– Видели бы вы, как он обрадовался канарейке! Как кормил её, менял воду... Дети легкомысленны и многого не понимают...

Кампанелла видела перед собой недовольные, скучающие лица. Короли зевали, закуривали, вздыхали. Но Кампанеллу это не смущало. Она говорила, говорила, пока старикашка Альфонс Бородатый не заснул в кресле, а бледнолицый Митра Бенгальский не принял порошок от головной боли.

– Отдайте мне Матиуша, – сказала она под конец.

– Давайте проголосуем, – предложил кто-то.

– Хорошо, – согласились все.

– Минуточку, я совсем забыла... – умоляющим тоном сказала Кампанелла.

– Устроим перерыв, – предложил король Орест.

– Да, да. Надо выпить чаю.

– И поужинать.

Кампанелла угощала королей самыми лучшими винами и ликёрами. И у каждого справлялась, какое кушанье любит он больше всего. А лакеи разъезжали на велосипедах по всему городу и привозили из самых дорогих ресторанов самые редкие кушанья. Кампанелла угощала гостей сигарами, фруктами, мороженым всех сортов: сливочным, ванильным, малиновым... Чего-чего только не было на столах: и торты, и мёд, и шербет турецкий, и орехи в сахаре, ириски, пряники, швейцарский сыр, английский портер...

– Пожалуй, не было только одеколона и клопомора, – съязвил на другой день известный шутник, король Миндаль Ангорский.

Голосование пришлось отложить. Ведь королям никто не запрещает есть и пить сколько хочется. И на этот раз они объелись и перепились.

На другой день стало известно, что голосование состоится не во дворце Кампанеллы, а в живописной рыбацкой деревушке. И королева поняла: значит, они не согласны. По правилам хорошего тона не полагается отказывать в просьбе хозяйке дома...

Предчувствие не обмануло королеву.

– Четыре голоса «за», двенадцать «против».

Итак, судьба Матиуша решена: его ссылают на необитаемый остров.

– Пожалуйста, подпишите приговор.

Кампанелла расписалась последней и уехала, ни с кем не простившись.

«Надо во что бы то ни стало спасти несчастного ребёнка», – решила она про себя.

А Матиуш не терял даром времени и всерьёз готовился к побегу.

Он ставил клетку с канарейкой возле старой, увитой диким виноградом стены и делал вид, будто играет в Робинзона. Петрушка был Пятницей, канарейка – попугаем. Ежедневно, как Робинзон, Матиуш делал зарубки на коре дерева.

Видя, что маленький узник успокоился и увлёкся игрой, стража перестала так строго следить за ним. Когда Матиуш гулял в тюремном дворе, они ходили за ним по пятам, потому что туда выходило окно канцелярии и начальник не спускал с них глаз. В саду же часовые делали что хотели. Чесать языки куда приятней, чем молча шагать с винтовками.

Матиуш заметил: один кирпич в стене шатается. И принялся за дело – раскачивает его вправо, влево; извёстка осыпается, крошится, но со стороны ничего не видно: дикий виноград заслоняет. Расшатав как следует один кирпич, Матиуш взялся за другой. Он работал вовсю. Пальцы у него были в ссадинах, ногти сорваны, но что боль, когда дело идёт о свободе. До обеда покончил с четырьмя кирпичами, после обеда – ещё с двумя.

«Если ничего не помешает, через три дня буду на свободе».

Вынуть кирпичи – полдела, а вот куда их девать? Бродит Матиуш по саду в поисках лопаты.

– Ты почему в Робинзона не играешь? – спрашивает его начальник стражи.

Солдаты говорили ему «ты», «Матиуш». Но он не обижался: прежняя гордость бесследно исчезла.

«Ничего, привыкает парнишка. Игра в Робинзона сейчас самая подходящая для него: скоро это пригодится ему в жизни, – рассуждают между собой солдаты. – А может, с ним поступили слишком сурово?»

– Ты почему перестал играть?

– Хотел погреб выкопать, а лопаты нет. Без погреба не обойдётся – негде хранить подстреленную дичь.

Солдаты дали ему лопату и помогли копать. Когда яма была достаточно глубокой, Матиуш положил туда кирпичи и засыпал сверху землёй. Но один солдат заметил.

– Откуда у тебя кирпичи?

– В саду нашёл. Вон там, возле беседки. Показать?

И, взяв солдата за руку, повёл к беседке, а по дороге стал рассказывать о войне, людоедах да так заморочил ему голову, что бедняга забыл, зачем шёл.

В другой раз дело приняло совсем скверный оборот: начальнику тюрьмы вдруг взбрело в голову устроить проверку.

– Начальник идёт! – крикнул из окошка солдат, стоявший на часах в коридоре.

Солдаты вскочили как встрёпанные, побросали недокурные папиросы, миг – и винтовки оказались у них в руках. Матиуш встал между ними и с опущенной головой молча зашагал по саду. Но построиться как положено солдаты успели.

– Почему двое впереди, а четверо сзади? Вы что, устав не знаете? А это ещё что за клетка? – загремел начальник тюрьмы и ударил палкой по дикому винограду.

Матиуш похолодел: из-за дикого винограда показалось отверстие в стене. Но начальник тюрьмы, к счастью, был порядочный верзила и с высоты своего роста ничего не заметил.

– Что за подкоп? – грозно спросил он, указывая на яму.

– Это кладовая Робинзона Крузо, – ответил Матиуш.

– Итак, за нарушение устава – день гауптвахты и за то что заключённый номер двести одиннадцать копает ямы ещё один.

Но начальник тюрьмы рассердился только для вида, боялся связываться с Матиушем: ещё пожалуется Кампанелле! А это было ему совсем некстати, потому что королева засыпала его подарками и обещала прислать жене бриллиантовую брошку в награду за хорошее обращение с узником. И потом, мальчишку скоро заберут отсюда. Поскорей бы избавиться от него!

Одно плохо: солдаты велели засыпать яму, куда Матиуш складывал провизию на дорогу. А делал он это так: половину порции съест, а половину спрячет в свою кладовую.

Время летело быстро. Матиуш притворялся, будто увлечён игрой: собирал жёлуди, палочки, устраивал возле стены садик, мастерил забор, строил из песка крепости. А сам незаметно поглядывал на солдат: смотрят они в его сторону или нет? Работа подвигалась теперь значительно медленнее. Вынутые из стены кирпичи приходилось прятать под курточку и относить на другой конец сада. Там была беседка, а под беседкой зияло подвальное окошко. Туда Матиуш бесшумно опускался на верёвке по кирпичу.

Стена толстенная, но Матиуш знает: спешить нельзя. Малейшая неосторожность может его погубить. А работа тяжёлая. Ногти сорваны, руки в незаживающих ссадинах и болячках.

О счастливый миг! Последний кирпич вынут, и рука высунулась наружу! Только бы не заметили. Только бы не случилось чего-нибудь непредвиденного.

Но случилось как раз нечто неожиданное: с той стороны стены бежала собака – и цап Матиуша за руку! Матиуш сморщился от боли, но не застонал, стерпел. Сделал вид, будто продолжает играть. Если собака не одна, а с человеком, Матиуш пропал. Человек увидит торчащую из отверстия руку и донесёт начальнику тюрьмы.

Пёс тьякнул. Матиуш выдернул окровавленную руку и сунул её в карман.

– Ты чего там делаешь? – подозрительно спросили солдаты, игравшие в сторонке в карты.

– Канарейку салатом кормлю, – с напускным спокойствием ответил Матиуш.

– Вот дурачок! Сдохнет она у тебя, – засмеялись солдаты, не прерывая игры.

Матиуш понял – откладывать побег нельзя: отверстие могут обнаружить. Спасибо собаке, что цапнула его за руку и предупредила об опасности. Картёжники всё же обратили внимание на то, что Матиуш чем-то взволнован, и стали чаще поглядывать в его сторону.

«Во вторник тюремный санитар явится стричь ногти и увидит покалеченную руку. Что я ему скажу?» – размышлял Матиуш. И он отчётливо представил себе, как трудно рассчитывать на успех, сколько опасностей и неожиданностей впереди. Но это его не расхолодило, а, наоборот, придавало ещё больше решимости.

Сегодня ночью!

Сразу после ужина, сославшись на головную боль, он лёг в постель и оставил форточку открытой. Сказал, что душно. Лёжа с головой под одеялом, нетерпеливо ждал он смены ночного караула.

Внезапно дверь камеры распахнулась. На пороге – начальник тюрьмы и представитель совета королей.

– Ваше величество, извольте собираться. Через час отправляется поезд к месту вашей ссылки. Вот бумага с печатью и подписями королей.

Матиуш, не говоря ни слова, встал и начал одеваться.

«Всё равно сегодня ночью убегу», – думал Матиуш, укладывая вещи в чемодан.

Всё пошло прахом. Отверстие готово, но какой в нём прок, если он никогда больше не попадёт в сад.

Другой бы на его месте отчаялся и окончательно потерял надежду. Но только не Матиуш. Он понял: самое главное – решиться. Остальное ерунда! Если даже придётся удирать по дороге, всё равно подготовка к побегу не прошла для него

даром. Он научился владеть собой, быть благоразумным и осторожным. Не знал, как это выразить словами, но чувствовал: основное – подготовить себя внутренне, чтобы сердце, мозг, воля были тебе послушны, а остальное приложится.

И Матиуш не падал духом.

Сборы были недолгие. Начальник тюрьмы ни на минуту не оставлял Матиуша в комнате одного, а когда подъехала машина, попросил написать в книге отзывов, что он, Матиуш, не имеет к нему претензий.

– Вашему величеству это ничего не стоит, а мне может пригодиться.

Матиуш согласился. Принесли чернильницу, бумагу, ручку, и Матиуш написал:

Настоящим свидетельствую, что не имею претензий к начальнику тюрьмы. Он добросовестно выполнял свой долг. Когда перед войной я арестовал министров, он стерёг их, ибо такова была моя воля. А после войны он стерёг заключённого № 211, ибо таков был приказ королей-победителей, и даже не отомстил мне за разбитую вазу. Итак, пусть он выполняет свой долг, а я – свой.

Король Матиуш Первый

Представитель совета королей расписался в тюремной книге в том, что получил Матиуша в целости и сохранности. Покончив с формальностями, они сели в машину и выехали из тюремных ворот.

Любопытно хотя бы одним глазком взглянуть на свою столицу. В театре как раз кончилось представление, и люди расходились по домам. Никто, конечно, не догадывался, что в мчащемся по улицам автомобиле едет король Матиуш. Важных преступников всегда возят ночью, чтобы никто не знал. Из театра шли только взрослые – и ни одного ребёнка.

«Хитренькие, детей небось спать уложили, а сами развлекаются», – подумал Матиуш сердито.

Рядом на сиденье дремал представитель совета королей.

«Открою дверцу и убегу».

Нет, ничего не выйдет. Днём, когда на улицах кишит детвора, убежать легче. И потом, как назло, ярко горят фонари и на каждом углу торчит полицейский.

На вокзале обстановка тоже не благоприятствовала побегу: представитель совета королей быстро провёл Матиуша через зал ожиданий и вывел на перрон прямо к вагону первого класса. Поезд через пять минут отправлялся за границу. Войдя в вагон, представитель совета поставил возле окна чемодан, на чемодан – клетку с канарейкой.

– Ну, а теперь давай спать!

«Он что, притворяется или правда такой соня?»

Нет, полковник Дормеско не притворялся. Другого такого сони не было во всём четвёртом артиллерийском дивизионе, в котором он служил. И четвёртый дивизион гордился им.

...Ещё в школе он сладко спал на уроках. Но никогда не храпел, поэтому учительница не замечала этого и считала его примерным учеником. Писал он без ошибок, читал тоже прилично – на четвёрку с плюсом (во время диктанта и на уроках чтения не очень-то поспишь – мешают), зато на арифметике он отсыпался. Товарищи посмеивались над ним, но он не обижался: характер у него был покладистый.

Однажды заснул он на уроке естествознания. На этих уроках спалось как-то особенно хорошо: стояла мёртвая тишина да вдобавок монотонный голос учителя убаюкивал и глаза сами слипались.

– Ну-ка, Дормеско, повтори.

– Он спит, господин учитель.

Сосед толкнул его локтем в бок. Дормеско вскочил – стоит, глаза протирает.

– Ну, что тебе снилось? – спрашивает учитель.

– Большущий муравейник.

Ребята захохотали, а учитель сказал:

– Твоё счастье, что тебе приснился сон по естествознанию, не то влепил бы я тебе кол.

Как-то, когда Дормеско было лет шестнадцать, к ним в гости пришёл отставной капитан.

– Главное в жизни – это призвание, – разглагольствовал он. – Любишь рисовать – будь художником! Любишь петь – пой! А в армии главное – дисциплина и беспрекословное повиновение.

– Ну хорошо, – говорит огорчённый отец Дормеско, – а как быть, если мальчик больше всего на свете любит спать?

– Если мальчик соня по призванию, поверьте мне, он не пропадёт. Ибо главное в жизни – призвание.

И старичок оказался прав: Дормеско пошёл служить в армию, и там не могли надивиться его отваге. В атаку его не посылали – для этого он не годился, зато в обороне был незаменим. Прикажут: «Стой на месте! Ни шагу назад!» – Дормеско окопается со своими солдатами и, хоть земля тресни, не двинется с места.

– Страшно было? – допытываются товарищи.

– А чего бояться? Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Жены у меня нет, плакать некому.

Дормеско был заядлым холостяком и терпеть не мог детей.

– Шумят, кричат, топают, озорничают. Маленькие по ночам спать мешают, большие днём не дают покоя...

Он любил ходить в гости, но дома, где были дети, обходил за версту. Вот почему, когда искали, кого бы послать с Матиушем на необитаемый остров, выбор пал на него. В самом деле, более подходящего человека не найти: полковник, да вдобавок детей ненавидит.

Чин полковника Дормеско получил за оборону Четвёртого Форта Смерти, самого важного в крепости. Сорок четыре раза бросался неприятель в атаку, но Дормеско не отступил ни на шаг. Правда, командование не поскупилось на порох – знали, неприятель не пожалеет сил, чтобы овладеть важным фортом. Дормеско отдал приказ: «Стрелять без передышки день и ночь».

И вот солдаты палят, а Дормеско дрыхнет. Как известно, мешает только внезапный шум, а к непрерывному человек привыкает и перестаёт его замечать.

Скоро подоспело подкрепление, и враг был побеждён.

– Позвать ко мне отважного защитника Форта Смерти! – приказывает главнокомандующий.

– Никак нельзя. Не велели будить, – ответил недотёпа денщик...

Так Дормеско стал полковником. А сейчас он растянулся на мягкой полке и спит, посвистывая носом: «Фьюить-фьюить, фьюить-фьюить...»

«Погоди, ты у меня посвистишь!» Матиуш подкрался на цыпочках к двери, отодвинул её чуть-чуть и заглянул в щёлочку.

Дело плохо: в коридоре часовой. Матиуш задвинул потихоньку дверь и неслышно подошёл к окну. Как приятно, когда на окне нет решётки. Но как оно открывается? Внизу толстый кожаный ремень неизвестного назначения. Наверху тоже кусок кожи. Матиуш прикрыл клетку полотенцем: боялся, как бы канарейка не запела. Потом поставил клетку на пол, влез на чемодан и стал орудовать. Потянул ремень вниз – стекло ни с места; подтолкнул кверху – немного подалось

и застряло. Если разбить окно, полковник проснётся... Ага, вспомнил: однажды при нём открывали в вагоне окно. Тогда он не предполагал, что это, как любое знание, может пригодиться в жизни.

И вот, приподняв стекло немного кверху, он потянул ремень на себя, и оно опустилось. В купе ворвался громкий перестук колёс. Матиуш посмотрел, высоко ли. Ничего, выпрыгнуть можно. Надо только станции дожждаться.

А дальше что? Денег – ни гроша. А без еды до столицы не доберёшься. Может, у стрелочника спрятаться? Хорошо, что он навел на него, возвращаясь с войны. Добрая стрелочница наверняка его не выдаст.

Полковник беспокойно заворочался во сне, и Матиуш поспешил закрыть окно. Как бы соню не разбудил холодный ветер!

А полковник натянул на голову шинель и продолжал спать.

«Это мне на руку», – подумал Матиуш.

Время тянулось невыносимо медленно. Матиуш боялся прозевать станцию. А может, не стоит ждать? Он вспомнил изнурительные походы во время войны и подумал: «Сейчас мне не хочется спать, но вдруг сон сморит меня под утро? Тогда прощай свобода!»

Два полустанка, станция. Нет, не та. Опять полустанок. Наконец-то его станция! Открыть окно и выскочить было делом одной минуты. И вот он уже бежит вдоль насыпи, а впереди во мраке мерцает свет в окне у стрелочника. Матиуш мчится что есть духу...

Свобода!

Из предосторожности он спрятался в сарайчике и ждёт: может, заметили, как он выпрыгнул в окно и кинулись в погоню? Нет, всё спокойно, поезд отошёл от станции.

«Пусть начальник тюрьмы выполняет свой долг, а я – свой», – смеясь подумал Матиуш.

Соня-полковник продрал глаза, только когда поезд подъехал к границе. Смотрит: окно открыто, а Матиуша нет.

«Хорошенькое дело! Удрал! А ведь мне приказано доставить его на необитаемый остров. Как же я его доставлю, коли он удрал? Кажется, ему ясно было сказано: спать! Неслыханное дело! Мальчишка посмел ослушаться моего приказа! Что делать? Стрелять? Но из чего? Пушки нет. И в кого! И как стрелять без приказа?»

Полковник Дормеско вынул из портфеля приказ и прочёл:

По получении сего полковнику Дормеско немедленно надлежит передать командование батареей капитану, а самому явиться в столицу и отвезти Матиуша с вещами на необитаемый остров. Сухопутным и морским войскам вменяется в обязанность оказывать полковнику Дормеско всяческое содействие. По возвращении приказываем подать рапорт.

– Ну ладно, отвезу на остров канарейку и чемодан, а по возвращении подам рапорт, – рассудил полковник. Потом вздохнул, почесал затылок, закрыл окно и, прикрывшись шинелью, заснул. А поезд мчался всё дальше и дальше.

Три дня провёл Матиуш под гостеприимным кровом стрелочника.

«Спохватятся, что меня нет, – размышлял он, – начнут рыскать, пустятся в погоню, устроят облаву, но никому в голову не придёт, что я у них под носом притаился».

В первую войну стрелочник выкопал под хлевом яму, чтобы в случае опасности было где укрыться. Если нагрянут с обыском, там спрячется Матиуш. Но пока всё спокойно.

Заглянул, проходя мимо, дежурный по станции, хороший знакомый стрелочника, и говорит:

– Вчера ночным поездом какого-то преступника везли. Я часового видел в вагоне.

– Может, это денщик был?

– Да нет, он с винтовкой стоял.

– Или посол ехал иностранный?

– Может, и так.

«Осторожность не мешает, – подумала про себя жена стрелочника. – Беглецов иной раз в открытую ищут, а иной раз и потихоньку, тайно. Кто знает, что у него на уме».

– Ох, ваше величество, если бы вы знали, как нам без вас плохо живётся, – жаловалась стрелочница. – Всяк распоряжается, а жалованье платить никто не хочет. Ещё перед войной завели новые порядки: ребятам велели поезда водить, а взрослым – в школе учиться. Болтали, будто сам Матиуш так распорядился. Нашлись дураки, поверили. «Не к добру это, – сказала я тогда. – Позавидовали, видно, сироте. В его царствование шоколада больше было, чем сейчас хлеба!» Что-то дальше будет?

Матиуш ходит по комнате: руки – за спиной, лицо хмурое.

«Хватит без дела сидеть и бедных людей объедать. Пора в путь».

Стрелочник с женой уговаривали его подождать немного.

– Нет, – говорит Матиуш, – надо поскорей попасть в столицу, узнать, что там происходит.

Стрелочник принёс от кума старенькую, латаную одежонку. Матиуш переоделся, взял на дорогу ломоть хлеба (от сыра отказался) и денег ровно столько, сколько стоит билет со следующей станции: на этой он не рискнул садиться на поезд.

Безо всяких приключений прошёл он пятнадцать вёрст, купил билет в вагон третьего класса и под вечер был уже в столице. На всякий случай Матиуш надвинул на глаза шапку.

- Эй, малый! Отнеси мешок, заплачу.

«С превеликим удовольствием». От мешка так аппетитно пахло, что у Матиуша слюнки текли. Мешок набит колбасами, сосисками, сардельками и свиным салом.

- Ты сейчас приехал?

- Да. Верней, вчера.

- А город знаешь?

- Немного. То есть нет: ведь я только вчера приехал.

- Издалека?

- Нет, то есть да.

- Ну, пошевеливайся!

Колбасник подгоняет мальчика. А у того руки занемели, голова кружится. Идут, идут они, Матиуш совсем из сил выбился. Приостановился дух перевести.

- Послушай-ка, парень, не вздумай улизнуть с мешком. Меня не проведёшь. Знаю я вас, пташек, которые не то сегодня, не то вчера, не то из далёких мест, не то из ближних прилетают. Крутитесь возле вокзала, ищите случая поклажу отнести, а сами так и норовите на первом же перекрёстке дать тягу. Я вас мигом узнаю по этой надвинутой на глаза шапке! Недаром до того, как колбасой торговать, я два года в полиции служил. Ну-ка поворачивайся, да поживей!

У Матиуша словно оборвалось что-то внутри, но он, не говоря ни слова, опять взвалил на спину тяжёлый мешок. Руки одеревенели, а ноги сами несли его вперёд.

– Эй, пан Михал! Слыхал новость?

Навстречу, откуда ни возьмись, полицейский.

– Куда путь держишь?

– Да вот товар несусь. А что за новость?

– Короля Матиуша в ссылку отправили. Только смотри – молчок, никому ни слова. Это служебная тайна. Тебе как старому другу говорю.

– Как же так? Даже в газетах не сообщили.

– Беспорядков боятся. Ох и жалеет Матиуша народ! И детвора, и взрослые. Только поздно теперь жалеть. Надо было раньше думать, белых флагов не вывешивать.

Опустил Матиуш мешок на землю. Слушает.

– Остаешься Матиуш королём, ты, глядишь, годков через пять не колбасу, а золото мешками бы носил.

– А откуда ты знаешь, что его сослали?

– Тюремный сторож сказал. А Клу-Клу отправят к отцу... как зовут-то его, Бум-Друм, что ли? Печальный король будто бы от престола хочет отречься и добровольно уехать на необитаемый остров... А ты чего уши развесил? – накинулся на Матиуша полицейский.

– Он со мной. Мешок помогает нести.

– Ну ладно, идите. Завтра у меня после ночного дежурства день свободный – загляну к вам. Ох, жалко Матиуша!

– Погоди жалеть. По моему разумению, этим дело не кончится. Он ещё воротится, вот увидишь.

- Только бы глупостей больше не делал.

- Ну, малый, пошли!

Колбасник помог Матиушу взвалить на спину мешок. И удивительное дело: усталость как рукой сняло. Мешок словно легче стал. Матиуш летел как на крыльях.

Ну вот и узнал почти все новости. Одно странно: почему его не ищут? Или ещё не знают, что он убежал?

- Стой! Ишь разлетелся! Или дорога коротка показалась? Заходи в ворота.

Из подворотни две ступеньки вели вниз, в квартиру лавочника. Матиуш споткнулся и упал бы, не поддержи его колбасник. Матиуш прислонился к двери, закрыл глаза, а сам весь дрожит.

- Ты чего? - перепугался колбасник, увидев, как мальчик побледнел.

- Я голодный, - пролепетал Матиуш и потерял сознание.

Он уже в тюрьме недоедал, оставляя половину порции на случай побега. У стрелочника тоже ел мало: совестно быть нахлебником у бедняков. Потом пятнадцать вёрст отмахал и ничего, кроме хлеба, не ел. А теперь ещё этот мешок с колбасой. Тут и взрослый не выдержал бы. И, наконец, - неизвестность, боязнь погони, неожиданное известие, что страна помнит о нём и надеется на его возвращение.

Матиуша положили на диван.

- Выпей-ка молока.

Лавочник расстегнул ему курточку на груди. Во-первых, чтобы дышать было легче, а во-вторых, как заправский полицейский, хотел метрику поискать. Умрёт мальчишка без документов - хлопот не оберёшься! В кармане он нащупал что-то твёрдое и вытащил фотографию покойной королевы.

– Эй, парень, попей молока! А ну, открой глаза!

Закалённый в походах, Матиуш быстро пришёл в себя.

Ему стало стыдно и немного страшно: не сказал ли он чего лишнего в беспамятстве? Уж больно чудно смотрят они на него.

– Как тебя зовут?

– Янек.

– Слушай, Янек, больно ты нежный, как я погляжу. Руки у тебя белые, хоть и в царапинах. И врать ты не мастер – это сразу видно. Зря ты мне морочил голову на вокзале. Голодный, худой, хотя мальчишка ты, видать, крепкий. И документов у тебя нет, только фотография королевы в кармане. Что всё это значит?

– Мне душно, откройте окно!

Матиуш пьёт молоко, закусывает хлебом и чувствует, как к нему постепенно возвращаются силы. Но притворяется, будто ему всё ещё плохо: закрывает глаза, а сам в сторону окна поглядывает, чтобы удрать в случае чего.

– Оставь его в покое, – сказала колбаснику жена. – Видишь, ребёнок чуть живой. Завтра успеешь допросить, пусть выпится сперва.

– Ты меня уму-разуму не учи. Недаром я два года в полиции прослужил. Скажи-ка мне...

– А я тебе говорю – заткнись! Понял? В полиции он служил, недотёпа... А сейчас почему не служишь? Потому что выгнали. Другие богатство нажили, а ты что? До самой смерти колбасой будешь торговать. А ну показывай, чего привёз!

Пока они разгружали мешок, Матиуш положил голову на стол и заснул.

– Постыдился бы, дурень, на ребёнка такую тяжесть взваливать! Как-никак его Янеком зовут.

Янеком звали её единственного сына, который погиб на войне.

– Сразу видать, славный мальчонка: у озорника была бы фотография Матиуша, а не королевы.

Матиуш спал очень чутко и, услышав сквозь сон своё имя, проснулся.

– Песенка Матиуша спета: его на необитаемый остров сослали.

– Жалко, раньше этого не сделали, был бы наш Янек жив. Ох, попался бы мне этот Матиуш!..

– Матиуш был король мудрый, воинственный и смелый.

– Перестанешь ты или нет?

– А вот не перестану! Что ты мне сделаешь?

– На, получай!

Жена размахнулась да как трахнет мужа колбасой по голове! Колбаса напололам разломилась.

Видно, супруги жили недружно. И так повсюду: если муж любил Матиуша, жена терпеть его не могла. Брат хвалит Матиуша, сестра высмеивает. А сколько драк из-за этого было в школах – ужас!

Дошло до того, что обер-полицмейстер издал указ, запрещающий упоминать имя Матиуша в театрах, парках и прочих общественных местах. Нарушители карались штрафом или тремя днями ареста.

Но результат получился обратный: о Матиуше стали говорить ещё больше. Так уж водится: всё запретное кажется особенно заманчивым.

Матиуш уплетает булку с колбасой, запивает сладким чаем, болтает о том о сём, а сам ждёт: сейчас опять начнут выпытывать, кто он да откуда. Но нет, не спрашивают. Тем лучше.

Целый день только и слышится:

– Янек, принеси!.. Янек, замети!.. Подай!.. Убери!.. Завяжи!.. Вылей!..

Хотят испытать, послушный ли он, смышлённый, расторопный. Наверно, из дома убежал. Ребята нынче совсем от рук отбились. Моду завели: чуть что не по ним – бегут из дома. Поскитается такой беглец по белу свету, наголодается, нахолодается, хлебнёт горя и домой к папе с мамой воротится. Родители рады-радехоньки, что ребёнок жив-здоров, лишнее слово сказать ему боятся. Ну, и мальчишка, наученный горьким опытом, тоже не больно-то хорохорится.

– Ничего, поживёт немного, освоится и сам всё выболтает. А пока пусть поработает. Лишь бы честный был.

Насчёт этого он молодец! Пошлют за покупками – сдачу всю до копейки принесёт. Тихий, неразговорчивый. А вот едок плохой.

– Ешь, Янек, – уговаривают его хозяева. – Еды на всех хватит. Не срами перед соседями, подумают, мы тебя голодом морим – уж больно ты худой.

– Не могу, зубы болят, – говорит Матиуш, а сам с тревогой в зеркало на себя поглядывает.

Рано или поздно побег обнаружится. Начнутся поиски. А может, и сейчас уже ведутся. Тогда никакая одежда не спасёт. Слишком многие знают его в лицо. Одна надежда, если он похудеет.

Бегаёт Матиуш по разным поручениям. Попадёт ему в руки газета, он спрячет её и читает украдкой. Потом стал читать открыто, не таясь. А то новое объявление на стене увидит, остановится и прочтёт. Теперь он был в курсе всех событий.

А события были такие. Государственный канцлер и казначей удрали за границу; они ещё до войны, втайне ото всех, переправили туда драгоценности и

капиталы. Военный министр открыл школу танцев. У министра здоровья – склад аптечных товаров: он туалетным мылом и зубным порошком торгует. Министр юстиции после суда над Матиушем с присущей ему честностью и прямоотой заявил, что не желает иметь ничего общего с правосудием, и пошёл работать кондуктором. Министр торговли держит овощную лавку и на паях с церемониймейстером владеет кинематографом. Министру просвещения не повезло: он продаёт на вокзале газеты. А бедняга доктор умер от огорчения.

В королевском дворце поселились иностранцы. В столицу со всего света съехалось видимо-невидимо мошенников и авантюристов. Они занимают лучшие места в театрах, раскатывают на автомобилях по улицам, пьют и едят в дорогих ресторанах, а население расплачивается за это тяжким трудом.

Во взрослом парламенте устраивают состязания силачей, а в детском – выступления магов-волшебников.

Казармы превратили в пивоварню, потому что с горя люди потребляют в огромных количествах пиво.

Негритята кто в ученики к трубочистам пошёл, кто в кафе служит: газеты подаёт посетителям, мраморные столики вытирает.

«С чего же начать? – мучительно думает Матиуш. – Кому-то надо открыться – один в поле не воин».

Однажды остановился он перед овощной лавкой бывшего министра. «Может, войти?» Матиуш не испытывал никакой симпатии к этому министру, он знал его как человека весьма практичного. Но на этот раз так и не решился переступить порога и вернулся домой ни с чем.

– Мне хочется яблок.

Матиуш никогда ни о чём не просил, и лавочник дал ему денег.

– Полфунта яблок.

Бывший министр вздрогнул при этих словах: он сразу узнал Матиуша по голосу и, метнув на мальчика испуганный взгляд, уронил полуфунтовую гирию.

– Вашество...

Матиуш приложил палец к губам.

– Ах, что я болтаю... – пролепетал экс-министр и, обернувшись к продавцу, сказал: – Поднимите гирию... нет, принесите-ка мне папиросы... А вы, – обратился он к кассирше, – пересчитайте, пожалуйста, выручку.

Распорядившись, он незаметно сделал Матиушу знак, чтобы тот следовал за ним в каморку за лавкой, где помещался склад.

– Как вы смеете, ваше величество, подвергать меня такой опасности! – зашипел он злобно. – У меня и так хватает неприятностей. Был министром, а теперь докатился до того, что яблоками торгую. В стране строжайше запрещено произносить даже имя короля, и если кто-нибудь узнает... Прошу вас, умоляю больше никогда не приходите сюда, иначе, честное слово, я вынужден буду донести в полицию. У меня жена, дети, я не имею права рисковать благополучием семьи.

– Но я хотел только узнать...

– А я ничего не знаю и не желаю знать! – перебил его министр. – Извольте, могу дать вам фунт, ну три фунта яблок или груш, но на большее не рассчитывайте.

– Я в милостыне не нуждаюсь, – гордо сказал Матиуш и ушёл не простившись.

Бедный король-скиталец! Посещение овощной лавки отбило у него всякую охоту обращаться к другим министрам. Думал, думал Матиуш и пришёл к выводу, что у него есть следующие возможности.

Первая. Ворваться в толпу с криком: «К оружию!» Раздать населению винтовки, арестовать иностранных послов, выкопать вокруг города оборонительные рвы и ещё раз попытаться счастья на поле боя.

Вторая. Прийти во дворец и заявить: «Я – король Матиуш Первый!» Пусть ссылают на необитаемый остров.

Третья. Оставаться мальчиком на побегушках и выжидать.

Четвёртая. Отправиться к Печальному королю... Нет, на такое унижение он не пойдёт.

И Матиуш выбрал третье: то есть решил ждать. «Не может ведь так продолжаться вечно».

И вот Матиуш трудится не покладая рук. Встаёт чуть свет, подметает пол в лавке, ходит на базар с кошёлкой, топит печь, чистит картошку, разносит по домам покупки.

– Янек, возьми пятьдесят сарделек и десять фунтов колбасы и отнеси в ресторан на Новую улицу – ту, что раньше называлась улицей Матиуша Реформатора.

– Хорошо.

Идёт Матиуш с корзиной, а на улицах необычное оживление. Всюду полно солдат, полицейских, они прохаживаются взад-вперёд и останавливают взрослых и детей. Посмотрел Матиуш по сторонам и видит на стене объявление, а на нём большими буквами: «5 000 000 вознаграждения».

Наконец-то!

5 000 000 ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

Бывший король Матиуш Первый по пути на необитаемый остров бежал из-под стражи в неизвестном направлении. Кто поймает Матиуша или укажет, где он скрывается, получит вышеозначенное вознаграждение.

Все мальчики в возрасте Матиуша обязаны иметь при себе метрику. Во избежание недоразумений предупреждаем родителей, что мальчики без документов будут задерживаться.

«Пять миллионов! – покачал Матиуш головой. – Вот никогда не предполагал, что короли ценятся так дорого. Сколько сарделек можно получить в обмен за одного короля!»

В душе он обрадовался: наконец-то перемена! И решил к колбаснику не возвращаться. Они ему до смерти надоели своими расспросами: кто он да откуда, в какой школе учился; зачем сидит уткнувшись в газету – всё равно ничего не поймёт; почему носит при себе фотографию королевы, и так далее. Вернись он к ним сейчас, они непременно догадаются, кто он.

– Откуда идёшь? – остановил его патруль.

– От мясника.

– Свидетельство есть?

– Есть.

– А ну покажи.

Матиуш с невинным видом показывает колбасу.

– Дурачок, это колбаса, а не свидетельство. Предъяви документ.

– Пусти его, чего с дураком толковать.

Две улицы прошёл – опять патруль.

– Документы!

– Пропустите, пожалуйста, я очень спешу: хозяин ресторана ждёт.

На этот раз тоже повезло – пропустили. Однако Матиуш видит, дело принимает серьёзный оборот, и стал пробираться боковыми, узенькими улочками на

окраину города.

- Стой! - раздался окрик.

Но Матиуш как ни в чём не бывало идёт дальше.

- Стой! Стрелять буду!

Матиуш продолжает путь, словно не слышит. Солдат выстрелил в воздух. Матиуш - ноль внимания.

- Ах ты негодяй, шутки шутить вздумал с полицией!

Матиуш объяснил знаками, что он, мол, глухой.

- Отпустить его, что ли? Глухой как пень. Даже выстрела не слышал.

- А мне какое дело! Приказано арестовывать - значит, нечего рассуждать. Вернёмся с пустыми руками - от начальства попадёт. Может, мошенник, притворяется глухим, а сам украл колбасу?

Дело дрянь. Пока не поздно, надо ноги уносить. Еда пригодится: несколько дней придётся скрываться.

Солдаты идут, не торопятся, переговариваются между собой:

- Совсем сбесились. Матиуш убежал с необитаемого острова, а они его здесь ищут. Только бы этим толстосумам людей мучить...

По дороге зацапали ещё двух мальчишек. Ни просьбы, ни слёзы не помогли - солдаты только ещё больше разозлились. Образовалась целая процессия: впереди трое ребят, сзади солдаты, а сбоку четыре пса - за корзинкой с колбасой увязались. В последнее время на окраинах развелось много бездомных собак. Обедневшим ремесленникам самим нечего было есть, и они повыгоняли собак на улицу.

Матиуш вынул из корзинки связку сарделек, повесил на шею, обмотал вокруг пояса, в каждую руку взял по колбасе, корзинку поддал ногой – и дёру.

– Лови его, держи!..

Матиуш бежит впереди, за ним – собаки, за собаками – солдат. Другой остался стеречь мальчишек.

Солдат даже винтовку бросил на бегу, чтобы не мешала, и вот-вот догонит Матиуша. Матиуш обернулся и – бац! – в собак колбасой. Собаки накинулись на неё, сцепились, покатались клубком прямо под ноги солдату. Тот растянулся во весь рост на мостовой, а собаки давай его кусать. Матиуш перемахнул через забор, пробежал один двор, другой и очутился возле сада, а в нём детвора: маленькие, большие, девочки, мальчики. В глубине сада – дом, калитка открыта настежь; в стороне – другой дом, поменьше, за ним кусты.

Тут прозвенел звонок, и ребята побежали к дому.

«Школа, наверно», – подумал Матиуш.

Сад опустел. Матиуш сидит в кустах и высматривает укромное местечко, куда бы спрятать свои припасы.

– Это не школа, а приют. В школе только учатся, а мы здесь живём: спим, едим. Мой отец на войне погиб. А твой? Чтобы приняли в приют, надо подать заявление. Это страшная волянка! Мой тебе совет: оставайся, никто не заметит. Раньше дело другое: мы были одинаково одеты. Но после войны никакого порядка нет: каждый делает что хочет.

– Но ребята сразу заметят, что я новенький, – возразил Матиуш.

– Мура! Старшим по сардельке дашь, чтобы язык за зубами держали, а малыши не пикнут – боятся нас. Не послушаются – подзатыльник получат. У нас с ними разговор короткий! Впрочем, посиди в кустах, а я посоветуюсь со скаутами.

– Значит, у вас скауты есть? – обрадовался Матиуш.

– Одно название, что скауты: папиросы курят и даже пояса со скаутским ножом ни у кого нет. Говорю тебе: сплошной ералаш. Каждый делает что хочет. Сказал бы я тебе одну вещь, да, боюсь, проболтаешься. Послушай: у нас тайное общество есть, Зелёного Знамени. А патрон наш – только помни: это тайна, – Матиуш. Мы решили выкрасть его с необитаемого острова. Да смотри не проговорись, не то тебе не поздоровится. Мы свято храним нашу тайну...

Прозвенел звонок.

– Подожди меня здесь. Мне на урок надо идти. У нас только на первом уроке проверяют, кто отсутствует, а потом хоть целый день гуляй! На, держи кусок хлеба...

Матиуш съел хлеб и две сардельки. Сидит он в кустах и думает: как быть дальше? А тут в сад нагрянула полиция.

«Искать будут».

Но они пожаловали по другому поводу: привели из тюрьмы около ста мальчишек, задержанных на разных улицах. Родители собрались перед тюрьмой и устроили скандал.

– Не хотим, чтобы наши дети сидели вместе с ворами! – кричали они.

Пришлось ребят перевести из тюрьмы в приют.

Навстречу этой ораве выбежал толстяк – размахивает руками, кричит, сердится:

– Почему заранее не предупредили? Куда я их дену? Откуда взять столько мисок и кружек? Где их спать укладывать?

– Наше дело маленькое. Мы выполняем приказ начальства, – сказали тюремные надзиратели и удалились.

В сад выскочили приютские ребята и смешались с новенькими. Путаница, неразбериха. Из дома вынесли два стола и стали записывать имена и адреса

вновь прибывших ребят.

– Мой папа адвокат.

– Мой папа жандарм.

– Моя мама актриса.

– Мой папа иностранный посол.

Тут к воротам подкатил автомобиль.

– Папа приехал!

– По какому такому праву вы задерживаете моего сына? Что за безобразие! – накинулся посол на толстяка.

В это время полицейские привели ещё сорок пленников.

– Отдайте мне сына! – вопит жена посла.

В сад ворвалась целая толпа родителей. Плач, ругань, галдёж.

«Пожалуй, можно вылезти из кустов, – подумал Матиуш. – Какой, однако, странный способ ловить преступников! Неудивительно, что это им так редко удаётся. Теперь я в безопасности».

И Матиуш до того осмелел, что протиснулся к столу, возле которого стоял толстяк, пытаясь успокоить разбушевавшихся родителей.

– Уважаемые родители, я директор приюта, а отнюдь не тюремщик. Для меня, как и для вас, это тоже неприятный сюрприз. Перед вами учёный-педагог, автор научных трудов, посвящённых воспитанию детей. Я написал книгу под названием «365 способов унять детский шум». Мне принадлежит научное исследование, в котором решается сложнейшая проблема, какие пуговицы практичней – металлические или роговые. Моё третье педагогическое сочинение

называется так: «Разведение свиней в приютах». Не правда ли, на первый взгляд странное название? Но если вдуматься, всё станет ясно. Где много детей, там много картофельных очистков и помоев. И вот, чтобы добро не пропадало даром, в моём приюте в рекордно короткие сроки откармливаются жирные свиньи. За свои научные открытия я награждён двумя серебряными медалями. Я каждого ребёнка насквозь вижу. По глазам, по носу, по ушам – словом, по всему могу с точностью определить, кто из него вырастет. Вот взгляните, пожалуйста, на эту девочку... – И директор показал на стоящего возле стола Матиуша. – Обратите внимание, какое у неё доброе личико и смыслённые глазки. Она совсем недавно в нашем приюте, но я успел досконально изучить её. У неё нет от меня тайн. Я читаю в её душе, как в раскрытой книге.

При этих словах директор положил руку на голову Матиуша и пристально посмотрел ему в лицо. Матиуш не на шутку испугался: вдруг этот толстый чудак в самом деле умеет читать в душе?

Убедившись, что их детям не грозит опасность и они попали к опытному педагогу, родители успокоились и разошлись по домам. Только иностранный посол позвонил обер-полицмейстеру и, получив разрешение забрать сына, сел в автомобиль и укатил.

Минуты не прошло, как в сад снова с криком выбежал директор:

– Господа воспитатели! Через полчаса сюда съедутся разные знаменитости обсудить вопрос, как поймать беглого короля. Переоденьте детей, вымойте им уши, утрите носы. Смотрите, чтобы ни одного сопливого носа не было! И пусть какая-нибудь девочка преподнесёт обер-полицмейстеру цветы. Лучше всего та, с миленькой мордашкой... Эй, слуги, убрать помещение!

И умчался как вихрь.

– Где девочка, которой господин директор велел преподнести цветы? – спрашивает воспитатель.

– Это я, – робко говорит Матиуш. – Только я не девочка, а мальчик.

– Как ты смеешь возражать, наглец! Если господин директор говорит, что ты девочка, значит, так оно и есть. За упрямство и непослушание останешься

завтра без обеда!..

И вот Матиуш в белом платъице с розовым бантом преподнёс обер-полицмейстеру цветы. Следом за обер-полицмейстером приехали главный следователь, главный криминалист, шеф жандармов, начальник шпионов и контрразведчиков и двадцать отечественных и иностранных сыщиков.

Первым взял слово директор приюта:

– Господа! Я воспитатель и автор научных сочинений о детях. Я слежу, чтобы дети не теряли носовых платков, не шумели, не отрывали пуговиц. Но если вы хотите найти пропавшего ребёнка, в моём лице вы найдёте лучшего помощника, ибо я – знаток детских душ. Так вот, я как специалист со всей ответственностью утверждаю: Матиуша в столице нет! Он наверняка спрятался в лесу, и его, спящего, подобрали цыгане или какая-нибудь сердобольная крестьянка. Итак, Матиуша следует искать в цыганском таборе или в деревне. Если его узнают, то непременно выдадут: он всем насолил. А если не узнают, он сам в конце концов проболтается. Но у простого, неотёсанного мужика не может быть педагогического чутья. Поэтому пройдёт ещё несколько недель, прежде чем он поймёт, кого приютит в своём доме. Другое дело – в столице, где нет человека, который не знал бы Матиуша в лицо. Да он здесь и пяти минут не мог бы скрываться!

А Матиуш стоит возле двери и слушает. Так распорядился директор, на случай если понадобится принести стакан воды или поднять что-нибудь. Взрослые сами не любят нагибаться: у них кости болят.

Совещались долго – каждому хотелось высказаться. В конце концов постановили: пусть дети переночуют в приюте, а завтра – по домам! Родителям разрешается принести им обед. Приютская кухня на них не рассчитывала, а оставлять детей голодными не годится. И больше мальчиков на улицах не задерживать.

На этом совещание окончилось.

Когда Матиуш переоделся и вышел во двор, его окружили ребята.

- О чём они говорили?.. Что делали?.. Ели что-нибудь вкусное? А тебя угощали?.. Тебе не стыдно было в девчачьем платье?.. Когда нас отпустят домой?.. А что сегодня на обед?..

- Я ничего не видел и не слышал. Ничего не знаю и не скажу, - буркнул Матиуш не очень любезно.

Ребята быстро от него отстали: некогда было. Каждому хотелось выменять что-нибудь у пленников.

- Знаешь, мне очень нужен ножик, а тебе он ни к чему.

- Послушай, дай мне зеркальце, у тебя дома лучше есть.

- Дашь пряник - секрет скажу.

- Гляди, как у меня волосы рассыпаются, отдай мне свою заколку...

Попрошайничали не все ребята, но глазели на необычайное зрелище все. Ещё бы! Такое не каждый день увидишь. В обычное время они бегали по двору или ходили парами по улицам. А ходить парами неприятно: мальчишки дразнятся и на витрины не поглазеешь.

Да, я забыл сказать, что Матиуша нарядили в платье директорской дочки, а потом выдали мальчишескую одежду, но не ту, в которой он пришёл. И теперь Матиуш ничем не отличался от остальных ребят.

И вообще было не до него. До позднего вечера родители приносили гостинцы. Такого роскошного пиршества не помнили даже самые старшие воспитанники.

Вот так веселье! А всё из-за кого?

- Да здравствует король Матиуш! - раздался чей-то несмелый голос.

- Да здравствует!.. Да здравствует!.. - дружно подхватили все ребята.

«Да здравствует полковник Дормеско!» – чуть не вырвалось у Матиуша.

Полковник Дормеско, сам того не подозревая, оказал Матиушу огромную услугу. С тех пор как Матиуш убежал, прошло три дня, а поезд ехал вперёд без остановки. Дормеско спал, часовой стоял в коридоре и караулил королевского пленника.

Приехали к морю. На берегу собралась толпа зевак. Весть о том, что корабль в порту ждёт Матиуша, моментально распространилась по округе.

Из вагона вынесли чемодан Матиуша, потом чемодан полковника, потом клетку с канарейкой. Наконец вышел сам полковник: пять солдат с одного бока, пять с другого.

– А где Матиуш? Матиуш где? – заволновалась толпа.

Зеваки разозлились: два часа мокли под дождём и прозевали Матиуша. Но что это за таинственная клетка? – недоумевают любопытные зрители.

– Где Матиуш? – спросил без обиняков начальник порта.

– Не суйтесь не в своё дело! – огрызнулся Дормеско. – Или вы морская и сухопутная власть?

– Так точно!

– Тогда вы обязаны оказывать мне всяческое содействие. Дайте лодку. И как только мы поднимемся по трапу, велите сниматься с якоря.

Смотрит капитан корабля и диву даётся. Матросы тоже удивлены.

«Кто знает, – думают эти суеверные люди, – может, Матиуша заколдовали? Или его вообще не было?»

Приехал Дормеско на необитаемый остров, получил квитанцию за доставленные вещи и отправился в обратный путь. Но спится ему беспокойно, угрызения совести мучают во сне. Как-никак неприятно старому служаке не выполнить приказа.

Рапорт полковника, как важный исторический документ, приводится дословно:

Крепость. Четвёртый Форт Смерти

Пункт I приказа выполнен. Пункт II приказа выполнен. Пункт III выполнен частично: на необитаемый остров доставлены вещи Матиуша (квитанцию прилагаю). Выполнение IV пункта приказа подтверждается настоящим рапортом. Бывший король Матиуш по дороге исчез.

Полковник Дормеско

Дормеско отправил рапорт с вестовым и, утомлённый дорогой, завалился спать.

Что тут началось! Такого скандала свет не видывал.

Дормеско грозили, что его расстреляют, в солдаты разжалуют, сошлют в штрафной батальон, на каторгу. Но это всё ерунда по сравнению с паникой, охватившей самих королей. Каждый день по три совещания, и одно – ночью! И каждое совещание в другом городе, а иногда в двух городах одновременно. Сначала хранили всё в тайне. Но проныры-журналисты пронюхали, что Матиуш убежал, и куда короли – туда и они. Поезда мчатся на всех парах. Министры теряют чемоданы, церемониймейстеры – головы. Экстренные выпуски газет выходят в два-три часа ночи, и люди, как на пожар, выскакивают на улицу в ночных рубашках, чтобы купить газету. В кинематографах идут старые фильмы про Матиуша. Всюду, куда ни глянь, – Матиуш. Сигары – «Матиуш Первый». Конфеты – «Матиуш Первый». Водка – «Матишовка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/yanush-korchak/korol-matiush-na-neobitaемом-ostrove>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)